

«Протестация Яна Лисовского» как отражение языка жителей Полоцка начала XVII века

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Достоверность выводов относительно истоков формирования и путей развития любого языка должна базироваться на языковых фактах, извлеченных из исторических документов. А между тем активность исторических лингвистических исследований в белорусском языкознании в начале нового столетия значительно снизилась.

Цель работы – системное описание языка одного из памятников старобелорусской письменности для определения специфических особенностей речи жителей города Полоцка в первой половине XVII века и определения роли языка именно этого региона в истории формирования белорусского языка.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужил язык документа, созданного в 1633 году в г. Полоцке и получившего у историков название «Протестация, занесенная в Полоцкия магистратския книги, со стороны ротмистра королевского, подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго, противъ мещан Полоцкихъ...». При исследовании языка текста документа применялся метод системного сравнительно-исторического анализа.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на сравнительно небольшой объем, документ дает возможность осуществить определенную систематизацию отраженных в нем языковых особенностей. Среди них:

1. Фонетические особенности языка жителей Полоцка, которые бы мы отнесли к разряду старобелорусских, особенно в области отвердения шипящих, в орфографии текста проявляются в единичных случаях.

2. Грамматическая структура языка изучаемого документа отражает как архаичные грамматические формы, которые восходят к древнерусскому языку, так и элементы формирования новой, самостоятельной, собственно белорусской грамматической структуры.

3. Анализ лексического состава документа свидетельствует о минимальном использовании лексических заимствований, которые составляют всего около 5% словарного состава текста.

Заключение. В первой половине XVII века на территории полоцкого региона складывается самостоятельная языковая система, которая заметно отразилась уже в языке белорусской литературы XIX века и получила свое развитие в более поздние эпохи. Именно эту территорию нынешней Беларуси следует, вероятно, признать «прародиной» будущего белорусского языка, а сам язык этой эпохи и этой территории – старобелорусским.

Ключевые слова: памятники письменности, история языка, старобелорусский язык, фонетика, грамматика, лексика.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 129–135)

“Protestation by Yan Lisovsky” as a Reflection of Polotsk Residents’ Language of the Early 17th Century

Vardomatsky L.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The reliability of conclusions about the origin and development of any language should be based on linguistic facts extracted from historical documents. Meanwhile, the activity of historical and linguistic research in Belarusian linguistics at the beginning of the new century has noticeably decreased.

The purpose of this work is a systematic description of the language of one of the documents of the Old Belarusian script to determine the specific features of the speech of the inhabitants of the city of Polotsk in the first half of the 17th century and to identify the role of the language of this particular region in the history of the formation of the Belarusian language.

Material and methods. The material for the study was the language of the document, created in 1633 in the city of Polotsk and given by historians the name “Yan Lisovsky’s protest against the inhabitants of the city of Polotsk ...”. The study of the text was carried out by the method of systemic comparative historical analysis.

Findings and their discussion. *Despite the relatively small volume, the document makes it possible to carry out a certain systematization of the linguistic features reflected in it. Among them are:*

1. *Phonetic features of the language of the inhabitants of Polotsk, which we would classify as Old Belarusian, especially in the area of hardening of hissing (fricative) consonants, in the spelling of the text appear in isolated cases.*

2. *The grammatical structure of the document language reflects both archaic grammatical forms that go back to the Old Russian language and the elements of the formation of a new, independent, proper Belarusian grammatical structure.*

3. *Analysis of the lexical composition of the document indicates the minimal use of lexical borrowings, which make up only about 5% of the vocabulary of the text.*

Conclusion. *In the first half of the 17th century, an independent language system was formed on the territory of Polotsk Region, which was noticeably reflected already in the language of Belarusian literature of the 19th century and developed in later eras. It is this territory of present-day Belarus that should probably be recognized as the “ancestral home” of the future Belarusian language, and the very language of that era and that territory - Old Belarusian.*

Key words: *written monuments, history of the language, the Old Belarusian language, phonetics, grammar, vocabulary.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 129–135)

Интерес к изучению языка белорусского народа возник, пожалуй, еще в начале XIX века, когда, с одной стороны, увлечение сравнительно-историческим методом в языкознании привлекает европейских и российских языковедов к исследованию все большего круга малоизученных языков и диалектов, что путем накопления языковых фактов должно подтвердить историческую общность языков и установить степень их родства, с другой – это время возрождения на фоне новых исторических знаний работ по поиску и определению признаков и аргументов национальной идентификации народа, хоть само название – Белая Русь – известно, уже с XIV в. [1, с. 39]. Именно поэтому среди видных историков и языковедов, чье внимание привлекала территория современной Беларуси, в первых рядах исследователей были все же этнографы. И по определенным объективным причинам, это были российские и польские языковеды и этнографы, чьи профессионально интересные, но очень часто исторически субъективные взгляды на белорусскую народность и ее язык требуют сегодня тщательного взвешенного изучения. Как, например, одна из первых работ о «белорусском языке» российского исследователя Василия Сопикова «Опыт российской библиографии» (1813), где автор пишет, что под понятием «белорусский язык» следует понимать смесь, состоящую «из славянского, российского, польского и латинского языков» [2, с. LXXXI]. Однако другие исследователи, среди которых были такие известные этнографы, как Г. Кулжинский, П. Шпилевский, И. Носович, М.Я. Никифорский, поляки А. Киркор, Я. Карлович, М. Федеровский, пошли по иному пути – сбору, накоплению и систематизации языкового, фольклорного и этнографического материала, избегая поспешных и не аргументированных выводов. Наконец, эти работы обобщил языковед-историк Беларуси Е.Ф. Карский в первом томе своего уникального даже по нынешним представлениям труда, изданного в 1903 году [3, с. 199–340].

Новое развитие историческое изучение белорусского языка получило в середине XX века в работах таких выдающихся белорусских советских языковед-

дов, как А.И. Журавский, А.Н. Булыко, В.В. Аниченко, Ф.М. Янковский, которые в определении истоков и путей развития белорусского языка во многом смогли выйти за идеологические рамки своего времени. Среди лингвистов-историков последних десятилетий можно назвать имена Е.И. Яновича, Т.Г. Трофимович, Н.В. Абабурко и др.

Изучение истории белорусского языка шло все это время в основном двумя путями: 1) библиографическое описание и классификация исторических этнографических и документальных материалов из области белорусской этнографии и письменности и 2) описание некоторых особенностей языка, представленного в известных крупных по объему памятниках письменности, созданных известными белорусскими авторами и просветителями разных эпох.

Тексты, которые мы могли бы назвать документами местного характера, в значительно меньшей степени подвергались изучению, и, прежде всего, в отношении описания особенностей их языка. Но именно такие документы, на наш взгляд, в значительно меньшей степени подвержены влиянию стилистических и формальных письменных традиций и в большей степени отражают живую народную речь.

Достоверность исторических выводов относительно истоков формирования и путей развития языка базируется на достаточном и всеобъемлющем количестве языковых фактов, извлеченных из таких исторических документов, которые можно верифицировать как несущие в себе языковые особенности, во многом отражающие живую каждодневную речь жителей той или иной территории. Выявление данных особенностей может значительно приблизить формирование всеобъемлющего объективного видения истории белорусского языка. А между тем активность исторических лингвистических исследований в белорусском языкознании в начале нового столетия значительно снизилась.

Цель работы – системное описание языка одного из памятников старобелорусской письменности, созданного в 1633 году в г. Полоцке, для определения специфических особенностей речи жителей города

Полоцка в первой половине XVII века и определения роли языка именно этого региона в истории формирования белорусского языка.

Такое описание, с одной стороны, позволит представить систему и совокупность особенностей языка эпохи и территории, а с другой – активизирует (надемся) интерес специалистов к историческим лингвистическим исследованиям в нашей стране, что, несомненно, находится в русле требований времени.

Актуальность разрабатываемой темы определяется необходимостью накопления исторического языкового материала и продолжения работы по выявлению, лингвистическому описанию и введению в научный оборот документов, ранее для таких целей не привлекавшихся, что, в свою очередь, должно позволить более точно определять исторические процессы, сформировавшие современный язык, условия, направления и этапы его развития.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования и лингвистического описания послужил язык документа, получившего у историков название «Протестация, занесенная в Полоцкия магистратская книга, со стороны ротмистра королевского, подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго, противъ мещан Полоцкихъ...» [4, с. 90]. Этот памятник письменности по существу является протоколом судебного слушания, в котором зафиксирована претензия полоцкого подвоеводы Я. Лисовского к некоторым мещанам города относительно невыполнения ими его приказа по подготовке города к обороне перед нападением «московского войска». В нашей работе условно будем называть этот документ сокращенно – «Протестация Я. Лисовского». Исследование языка текста документа проведено методом системного сравнительно-исторического анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализируемый документ создан 6 июля 1633 в г. Полоцке, «передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ будущими». Однако впервые опубликован он был лишь в 1865 году во втором томе «Актов, относящихся к истории южной и западной России, собранных и изданных археографической комиссией». К сожалению, место хранения оригинала документа (если такой вообще сохранился, что маловероятно) неизвестно. Поэтому говорить о его палеографических особенностях сегодня не представляется возможным. Однако сам текст, его содержание, а главное, его язык переданы подготовившим текст к изданию членом-корреспондентом Императорской академии наук Николаем Ивановичем Костомаровым с предельной точностью и сохранением всех его языковых особенностей (за исключением, к сожалению, знаков препинания, расставленных в опубликованном тексте по правилам русской пунктуации середины XIX века, которые в приводимых примерах мы сохраняем). Причем интересно, что в перечень документов, представляющих, по мнению Н.И. Костомарова «историческую и архе-

ологическую важность», который размещен в самом начале тома вместо предисловия, данный документ не включен. И это, на наш взгляд, имеет свое объяснение. В документе идет речь о разорении в ночь с 12 на 13 июня 1633 года «московскими людьми» полоцкого нижнего замка, когда «много добрых колекговъ в месте позабывали». (Здесь и далее в тексте орфография оригинала по техническим причинам незначительно упрощена, в частности, на месте буквы ять мы используем букву е. – Л.В). Вероятно, по этой причине в 1865 году такой документ не вполне вписывался в идеологию российской историографии и поэтому не рассматривался в качестве важного исторического источника.

Невнимательное либо одностороннее отношение к данному тексту стало причиной некоторых нестыковок фактического плана и в других работах, описывающих указанное событие. Так, в отдельных источниках можно прочесть, что «русское войско, пришедшее из Великих Лук», «большой острог июня в 3 день взяли и выжгли и польских и литовских людей посекали и языков поимали...» [5]. Между тем, в тексте «Протестации...» Яна Лисовского совершенно четко указана другая дата: «Людь неприятельскій... сего же року тысяча шесть сотъ тридцать третьего, месяца июня зъ дванадцатого дня на тринадцатый день въ ноци, напавши чатую все место Полоцкое и Заполоте сплендровало и попалило». Обратим также внимание, что в цитируемом документе жители Полоцка названы «литовцами и поляками».

В отдельных работах упоминается о том, что в Полоцке «в 1633 г. произошло восстание горожан против подвоеводы Яна Лисовского и городской рады» [6, с. 314]. Ян Лисовский в указанной «Протестации» действительно говорит о бунте отдельных горожан Полоцка (фамилии которых он перечисляет). Но суть этого бунта сводилась к тому, что некоторые полочане отказались выполнять его указание о принятии конкретных мер по подготовке города к отражению нападения «Московского войска», которое «несподеване и нагле затого мело наступовать на замокъ». Группа горожан пришла в городскую раду с письменным объяснением своего отказа. «Написавши обмову свою на письме до нас на столь на ратушу подали». Однако о каких-либо действиях, которые можно было бы квалифицировать как восстание, здесь речи нет.

Как видим, фактологическое изучение текста «Протестации Яна Лисовского» еще ждет своего внимательного исследователя. Нас же в данной работе интересует, прежде всего, язык этого документа, который, отличаясь эмоциональной насыщенностью, в значительной степени лишен традиционных письменных канцелярских оборотов и в силу этого, на наш взгляд, в значительной степени отражает живую разговорную речь Полоцка первой трети XVII века. Документ структурно (но не в языковом плане!) состоит из двух частей: типовые для таких документов введение и заключительная часть, принадлежащие непосред-

ственно «Яну Дагилевичу, писарю места Полоцкого», и записанное этим же писарем от первого лица выступление подвоеводы Яна Лисовского. Естественно, осуществляя эту запись, Ян Дагилевич, с одной стороны, придерживался определенных «традиционных правил, принятых для исполнения такого рода документов», с другой – объективно переносил на письмо фонетические и грамматические формы, свойственные речи полочан того времени. И, таким образом, перед нами документ, текст которого, несмотря на его сравнительно небольшой объем, дает возможность провести определенную систематизацию отраженных в нем языковых особенностей.

Особенности фонетики и фонетические процессы. Графическое отражение фонетических особенностей речи в данном тексте минимизировано и представлено лишь отдельными записями, что представляется довольно странным на фоне других документов этого времени. Сравнительно-исторический анализ некоторых написаний создает впечатление более поздних «корректорских» правок, которые мог произвести либо более поздний русскоязычный переписчик, либо редактор, готовивший текст к публикации во втором томе «Актów, относящиеся къ истории южной и западной Россіи» в 1865 году. Однако и то, и другое сомнительно, поскольку, во-первых, как в самом тексте, так и в непосредственном послесловии к документу указана одна и та же фамилия: «На подлинном скрепя: Янъ Дагилевичъ, писарь места Полоцкого». И здесь же далее: «Изъ актовыхъ книгъ магистрата Полоцкаго» [4, с. 91]. Эти указания свидетельствуют о том, что в распоряжении Н. Костомарова, составителя и редактора второго тома «Актów», был именно оригинал документа.

Во-вторых, о том, что редактор не вносил сколько-нибудь заметных правок в орфографию подготовленных им к печати текстов, можно судить, например, по опубликованному в этом же томе под № 2 документе от 14 октября 1599 года, который условно можно назвать по его первой строчке: «Выпись съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского». Созданный в Орше всего лишь на тридцать четыре года раньше полоцкого документа оршанский текст активно отражает фонетические особенности речи жителей этого города, в том числе:

- использование сочетания КГ для обозначения [г] взрывного;
- написания типа «господарьство», но «октябрьа», что свидетельствует о сохранении различия [p'] и [p];
- последовательные написания ШЫ, указывающие на отвердение [ш];
- последовательные написания ЧЫ, указывающие на отвердение [ч];
- употребление предлога ЗЪ на месте этимологического СЪ;
- написания ТЪ в формах третьего лица множественного числа глаголов (деруть, пустошать, ведають) и целый ряд других примеров (документ еще

ждет своего внимательного исследователя-языковеда), свидетельствующих об активном формировании и внедрении в устную и письменную речь особенностей старобелорусского языка.

«Протестация» Яна Лисовского чуть более четверти века после названного оршанского документа и, казалось бы, должна была продолжить эту особенность. Однако фонетические особенности, которые бы мы отнесли к разряду старобелорусских, здесь проявляются не столь графически выражено.

1. Наиболее последовательно здесь представлены: Различение [г] взрывного и [г] фрикативного.

Как известно, во всех памятниках письменности для обозначения [г] взрывного писцы использовали сочетание *кг*. И если в указанном выше оршанском тексте использование такого сочетания регулярное и последовательное, то в «Протестации...» наблюдаем его лишь в следующих случаях: в написании имени собственного (*Кгабріель Лакгодный*; но, для сравнения, *Гарасимъ*), во всех случаях в написании союзного слова *кдымь* – ‘когда’ (*Кдымь вашимъ милостямъ всимъ перекладалъ*); в написании существительного *коллега* (*добрыхъ колекгов*). Во всех остальных случаях используется только буква *г*: *где, его, тогожь дня, нагле* и т.п. Являются ли такие написания признаком широкого и всеобъемлющего (за исключением иноязычных слов) функционирования в речи полочан [г] фрикативного? Ответ на этот вопрос может быть дан после дополнительного исследования этой проблемы на более широком текстовом материале.

Отражение диссимиляции сочетания ЧТ и перехода в ШТ во всех словоупотреблениях (*што ваша милость...; што онъ заразъ и записаль; што есть записано*).

Последовательное использование восточнославянских форм с полногласными сочетаниями (*в полонь побрано; для обороны, въ голось, дерева на тую вежу дали, до сторожи, передъ нами*). Правда, в одном случае встречаем полонизм презь (*презь тыхъ особъ*).

Написание *з* на месте этимологического *с* как результат фонетического принципа орфографии (*зъ мещанъ, зъ ратуша, зноситъ, знестисе, згнула, зверхности, збудовали*). Но перед последующим глухим согласным – *с* (*съ Техановца*).

Во всех случаях словоупотребления буква *И* на месте этимологического [ѣ]- *ять* и *Е* на месте этимологического [е] в местоимении *все*: *всихъ особъ, вашихъ милостей всихъ, вашимъ милостямъ всимъ, всимъ магистратом; но: готови то все [’о] были учинить, о то все [’о]*.

2. Значительно менее последовательно представлены результаты отвердения шипящих. К случаям обозначения твердости шипящих отнесем написания: *пану нашому, Стефановичомъ, нашого, вжо* (‘уже’), *наимнейшого, чого*. Вероятно, сюда можно отнести и *Алексій Боярчонокъ*. Но это единичные примеры. В большинстве случаев наблюдаем традиционные написания: *будучимъ, иниихъ, Янъ Клишиць, низшемъ,*

живцомъ, нежичливість и др. Между тем в упоминавшемся выше оршанском тексте 1599 года практически во всех написаниях наблюдаем графическое обозначение отвердения шипящих.

3. В одном случае (в приписке писаря) встречаем использование аффрикаты *-дз-*: *Пан подвоеводзи просиль. Но: на тыдєнь.*

И ни одним примером в тексте не представлено развитие аканья.

Грамматические особенности текста. Как известно, грамматика – наиболее консервативная часть языка. Грамматические изменения – это, как правило, процесс значительно растянутый во времени. Практически каждая эпоха, с одной стороны, демонстрирует формирование новых грамматических форм и даже категорий, но, с другой – с видимым трудом расстается с грамматическими особенностями прошлых эпох жизни языка. Весьма сомнительно говорить и о заимствованиях грамматических форм из других языков. Наличие иноязычных грамматических форм в тексте скорее можно отнести на счет билингвизма его автора.

В тексте «Протестации Яна Лисовского» выделяем грамматические особенности трех типов.

1. Сохранение архаичных грамматических форм, восходящих к древневосточнославянскому языку-основе. Среди них:

Редуцированные формы плюсквамперфекта: *служба вышла была, донесли быль протестацию.*

Употребление во всех случаях при передаче значения ‘в то время’ местоимения ОНЪ в значении указательного: *на онъ часъ будучий лянтойтъ, то все на онъ часъ... учинилемъ.*

Употребление фонетически измененной старой энклитической формы возвратного местоимения *се* (в древнерусском – на месте *е юс малый*) и использование его в препозиции: *а поготовю до послушенства се не мели, ледво се удержаль.*

Формы В.п. ед.ч. личного местоимения первого лица и возвратного местоимения – *мене, себе* (совр. русск. *меня, себя*; совр. белор. *мяне, сябе*): *мене въ ратушу опримоваля, на знесене мене; до себе взять.*

Употребление формы винительного падежа вместо местного: *оповедане... о бунтъ.*

2. Собственно польские или полонизированные грамматические формы.

Специфические формы глаголов первого лица единственного числа: *далемъ* (польск. *dalem*, совр. белор. *я даў*); *учинилемъ* (польск. *uczyniłem*, совр. белор. *я зрабіў*); *радиломъ* (польск. *radziłem*, совр. белор. *я прапанаваў*); но: *донеслиемъ* (польск. *zgłosilem*, совр. белор. *я наведаміў*).

Окончания *-ови* Д.п. ед.ч. существительных: *кролеви* (как и в польск. *królówi*, совр. белор. *каралю*); но: *урадови* (в польск. *rządowi*, совр. белор. *ураду*); *писарови* (в польск. *urzędnikowi*, совр. белор. *пісару*).

Однако следует отметить, что окончание Д.п. ед.ч. *-ови* было свойственно еще древнерусскому языку

раннего периода для существительных типа склонения на **-й*. Поэтому использование таких форм писарем Яном Дагилевичем в нашем документе может рассматриваться и как проявление генетической общности языков.

3. Формирующиеся собственно белорусские грамматические формы.

Одним из признаков активной стадии формирования собственно белорусских грамматических форм, отраженных в текстах исторических документов, Ф.М. Янковский считает наличие специфической белорусской формы деепричастия (окостеневшей формы действительных причастия) [1, с. 47]. В «Протестации Яна Лисовского» такие формы как раз исключительно активны: *будучи отъ тых особъ... опримованый, видечи значное ихъ непослушенство, обещаючи складать по шелягу, не хочечи тому всему досить чинить и подлегать, отходечи зъ ратуша.* Сюда же отнесем и формы прошедшего времени на *-ви-*, *-и-*: *написавши обмову свою, пришедши на ратушь, на письме подавши.*

Выражение значения долженствования сочетанием личной формы древнерусского глагола *имати* плюс инфинитив: *Мело наступоватъ на замок – ‘Должно было (готовилось) наступать на замок’; Мел подати имена – ‘Должен был подать имена’.* Сравним совр. разговорн.: «Я имею сказать».

Новые (собственно белорусские) формы указательного местоимения женского рода (*тую обмову взять; дерева на тую вежу дали, тыхъ мецанъ*) и отрицательного местоимения *николи* (*чого предъ тымъ николи не бывало*). Подобные языковые особенности последовательно отмечаются и в других документах, созданных в эту эпоху на этой территории [7, с. 38].

Новая форма числительного: *зъ дванадцатого дня*, где в первой части в белорусских говорах стала использоваться форма мужского рода древнерусского числительного *дѣва*, в отличие от русского языка, где в первой части – древнерусское числительное женского (среднего) рода – *дѣве*.

Последовательное употребление предлога *зъ* вне зависимости от позиции: *зъ мецанъ, зъ ратуша, зъ дванадцатого дня, зъ выписанемъ именъ бунтовниковъ.*

Интересной, не отмеченной, как нам кажется, ранее в других исторических лингвистических исследованиях, особенностью является категория грамматического рода существительного *ратуша*. В документе это существительное используется 9 раз в двух значениях: здание, место, где происходят заседания магистрата, и сам состав участников заседания. И во всех случаях это существительное употреблено в форме мужского рода: *въ ратушу Полоцкомъ будучими; при бытности вашихъ милостей... въ ратушу Полоцкомъ; при обещаности вашихъ милостей всихъ на ратушу; пришедши в тотъ же часъ на ратушь; до насъ на столъ на ратушу подали* (‘во время заседания ратуши’); *галасами мене въ ратушу опримоваля; отходечи зъ ратуша;*

въ ратушу учиненные бунты; напереднейшими в ратушу герштами (здесь: агитаторами) *до бунтовъ.*

В качестве заметной языковой особенности текста отметим различия в синтаксическом оформлении значений, передающихся сегодня с помощью сложноподчиненных предложений. Так, в вводной части текста, традиционной для документов такого рода, вместо придаточной части сложноподчиненного предложения употребляются специфические причастные обороты: *Воеводы и войта Полоцкого, старосты Пернавского будущимъ* – ‘Воеводы и войта Полоцкого, **который был** старостой пернавским’; *Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками... въ ратушу Полоцкомъ будущими* – ‘Перед нами, бурмистрами, советниками и заседателями, **которые в то время находились в ратуше Полоцкой**’. Однако в той части документа, которая непосредственно передает речь заявителя (Яна Лисовского) наряду с отмеченными синтаксическими конструкциями, используются и собственно сложноподчиненные предложения: *Теперь тебѣ видечи... же тамтые ихъ бунты... skutokъ свой взяли* – ‘Теперь, **когда я увидель, что ихъ бунтъ привел к такому результату...**’. Но: *Учинилемъ в голось на нихъ словную протестацію, которую далемъ писарови мескому Полоцкому.*

Эти примеры однозначно свидетельствуют, что в отличие от языка деловых документов, характеризующихся консервативностью синтаксических конструкций, в устной речи активно развиваются сложноподчиненные предложения. Данный процесс, судя по анализируемому тексту, еще не близок в первой половине XVII века к завершению, но демонстрирует активную тенденцию к этому. Так, в нашем тексте значительное количество предложений начинается с местоимений *какой, который, когда*, которые, однако, еще не являются союзными словами, соединяющими главную и придаточную части предложения, а начинают специфические самостоятельные предложения: *Которуюто речь они мещане Полоцкіе въ тотъ часъ и тогожь дня... пополнили; Кддымъ (когда) вашимъ милостямъ всимъ перекладаль о небезпечности...; Которуюто ихъ... обьмову до себе взялъ, которая не ведать где загнула...; Которыхъ теперь именно на письме подаю:...*

Лексика – самая подвижная часть языка. И изучение словарного состава какого-либо исторического документа не дает однозначного ответа на вопрос о степени самобытности либо степени зависимости языка, отраженного в историческом документе, от межъязыковых контактов. Но объем, границы и тенденции таких заимствований могут быть показательными в определении роли и тематической направленности таких заимствований в истории формирования современной лексической системы языка. Текст «Протестации...» Яна Лисовского дает возможность сделать в этом плане определенные выводы. Часть документа, передающее заявление

Яна Лисовского от первого лица, сравнительно небольшая и включает всего около 650 словоформ. В их числе словоформы выраженного иноязычного происхождения можно разделить на две группы. Первая группа – юридическая лексика делового документа, каким и оказывается данный текст, а также лексика, отражающая социально-политические особенности жизни города в эту эпоху: *лянтвойтъ, магистратъ, ратушь, бурмистръ, ротмистръ, жолнеры, Речь Посполита, поветъ, протестація*. Подобные слова мы не относим в разряд «лексические заимствования», поскольку они, как правило, не являются фактом живой речи. И в результате социальных и исторических изменений большинство таких слов, как правило, исчезает из языка. Вторая группа – слова и словоформы, которые мы без сомнения можем отнести к полонизмам, включая слова, не только полностью, но и частично сохраняющие особенности языка-донора и подвергшиеся определенной адаптации. В анализируемом тексте таковыми выступают: *меновите, зошльмъ, въ року, барзо, шкодливу, при обещаности, несподаване и нагле, радиломъ, тыдзень, (якую) колвекъ, (своимъ) коштомъ, будовать, розказали, лечъ, жаднымъ (способомъ), спольного выналязку, въ тумульте и въ галасахъ, ледво, skutokъ, нежичливость, сплендроване, зволокласе, тамтые, презъ*. То есть всего около 27–30 слов, что составляет около 5% словарного состава текста.

Заключение. «Протестация...» Яна Лисовского считается характерным историческим документом, который несет в себе «высокий объяснительный потенциал сведений об истории становления и развития языка», и в совокупности с другими документами подобного рода способствует формированию «концептуальных представлений о закономерностях устройства языковой системы, условиях ее функционирования, причинах и последствиях, происходящих в ней изменений» [8, с. 3]. Изучение языковых особенностей документа позволяет сделать ряд выводов, которые, дополненные результатами исследований языка других памятников письменности этой эпохи и этой территории, дают основание предположить, что:

1. В первой половине XVII века на территории полоцкого региона (вероятно, в бассейне между верховьями рек Западная Двина и Днепр) складывается самостоятельная языковая система, которая потом заметно отразилась в языке белорусской литературы XIX века и получила свое развитие в более поздние эпохи. Именно эту территорию нынешней Беларуси следует, вероятно, признать «прародиной» будущего белорусского языка, а сам язык этой эпохи и этой территории – старобелорусским.

2. В основе грамматической структуры этого языка лежит восточнославянская языковая традиция.

3. Лексические заимствования не играли сколько-нибудь существенной роли в формировании общего лексического состава этого языка.

Литература

1. Янкоўскі, Ф.М. Гістарычная граматыка беларускай мовы / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск: Выш. шк., 1983. – 271 с.
2. Сопиков, В. Опыт российской библиографии. Часть первая / В. Сопиков. – Санкт-Петербург, 1813. – 474 с.
3. Карскій, Е.Ф. Белоруссы. Томъ I. Введение въ изучение языка и народной словесности / Е.Ф. Карскій. – Варшава, 1903. – X+466 с.
4. Акты, относящиеся къ истории южной и западной Россіи. Том второй. 1599–1637. – Санкт-Петербург, 1865 г. – 314 с.
5. Штурм Полоцка (1633) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_Полоцка_\(1633\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_Полоцка_(1633)). – Дата доступа: 01.02.2021.
6. Древнейшие города Беларуси. Полоцк / О.Н. Левко [и др.]; под общ. ред. О.Н. Левко. – Минск, 2012. – 743 с.
7. Вардомацкий, Л.М. «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований / Л.М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 27. – 200 с.
8. Трофимович, Т.Г. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие / Т.Г. Трофимович. – Минск, 2011. – 208 с.

Поступила в редакцию 17.02.2021